

Научная статья

УДК 101; ББК 87.000.1

doi: 10.47475/1994-2796-2025-495-1-106-112

«АБСОЛЮТ» КАК ПРЕДМЕТ НАУЧНОЙ ФИЛОСОФИИ (часть 2)

Олег Владимирович Тарасов

Уфимский университет науки и технологий (Стерлитамакский филиал), г. Стерлитамак, Россия, ovtarasov@mail.ru, 0000-0002-0250-5788

Аннотация. Общая цель нашего исследования, состоящего из двух частей, — способствовать решению проблемы определения предмета научной философии. В первой части были критически проанализированы концепции абсолютистского характера, берущие свое начало в представлениях Аристотеля, Г. В. Ф. Гегеля и Ф. Энгельса. В ней были показаны недостаточная обоснованность и неубедительность абсолютистских концепций, в которых предметом научной философии с большей или меньшей настойчивостью объявляется «абсолют» («всеобщее», «мир в целом» и т. п.) как сверхпонятийное подлинное бытие. В данной — второй — части исследования предлагается альтернативная точка зрения, а именно обновленный (уточненный) неабсолютистский или научно-позитивистский (рационально-критический) способ решения интересующего нас вопроса. Предлагаемый способ восходит к некоторым представлениям о философии, высказанным в довольно неупорядоченном виде Ф. Ницше, М. Вебером, Р. Карнапом. На его основе осуществляется, как мы надеемся, достаточно эффективная критика концепций наших предшественников (А. Л. Никифоров) и, самое главное, упрочивается понимание того, что предметом научной философии является «абсолют» («всеобщее» и т. п.), рассматриваемый не в качестве сверхпонятийной подлинной реальности, а лишь в качестве проблематичного, в силу многозначности, понятия. В качестве примера научного философствования, т. е. предметного обращения с «абсолютом» как проблематичным понятием («эссенция», «исторический закон»), демонстрируются идейные построения К. Поппера в эпистемологии и социально-политической философии.

Ключевые слова: предмет научной философии, абсолютистское и неабсолютистское философствование, абсолют, всеобщее

Для цитирования: Тарасов О. В. «Абсолют» как предмет научной философии (часть 2) // Вестник Челябинского государственного университета. 2025. № 1 (495). С. 106-112. DOI: 10.47475/1994-2796-2025-495-1-106-112.

Original article

“THE ABSOLUTE” AS A SUBJECT OF SCIENTIFIC PHILOSOPHY (part 2)

Oleg V. Tarasov

Ufa University of Science and Technology (Sterlitamak Branch), Sterlitamak, Russia, ovtarasov@mail.ru, 0000-0002-0250-5788

Summary. The general purpose of our two-part study is to contribute to solving the problem of defining the subject of scientific philosophy. In the first part, the concepts of an absolutist nature, originating in the ideas of Aristotle, G. V. F. Hegel and F. Engels. It showed the insufficient validity and unconvincingness of absolutist concepts, in which the subject of scientific philosophy is more or less persistently declared to be the “absolute” (“universal”, “the world as a whole”, etc.) as a super-conceptual authentic being. In this second part of the study, an alternative point of view is proposed, namely, an updated (clarified) non-absolutist or scientific-positivist (rational-critical) way of solving the issue of interest to us. The proposed method goes back to some ideas about philosophy expressed in a rather disordered form by F. Nietzsche, M. Weber, R. Carnap. On its basis, we hope, a fairly effective critique of the concepts of our predecessors (A. L. Nikiforov) is carried out and, most importantly, the understanding is strengthened that the subject of scientific philosophy is the “absolute” (“universal”, etc.), which is considered not as a super-conceptual genuine reality, but only as a problematic concept due to its ambiguity. As an example of scientific philosophizing, that is, the substantive treatment of the “absolute” as a problematic concept (“essence”, “historical law”), K. Popper’s ideological constructions in epistemology and socio-political philosophy are demonstrated.

Keywords: subject of scientific philosophy, absolutist and non-absolutist philosophizing, absolute, universal

For citation: Tarasov OV. "The Absolute" as a subject of scientific philosophy (part 2). *Bulletin of the Chelyabinsk State University*. 2025;(1(495)):106-112. (In Russ.). DOI: 10.47475/1994-2796-2025-495-1-106-112.

Введение к части 2

Напомним, что в первой части статьи были критически проанализированы концепции абсолютистского характера. Основным результатом, который был зафиксирован на пройденном этапе, «заключается в демонстрации недостаточной обоснованности и неубедительности общего для абсолютистского подхода положения о том, что предметом научной философии является «абсолютное бытие» («абсолют», «всеобщее» и т. п.) как некая подлинная вне сознания человека находящаяся реальность» [14, с. 95]. Как намечалось в первой части, данная — вторая — часть исследования будет «в основном конструктивной. В ней мы постараемся обновить (развить и уточнить) неабсолютистский или научно-позитивистский (рационально-критический) подход к решению интересующей нас проблемы научно обоснованного определения предмета научной философии» [14, с. 95].

Основные идеи неабсолютистского подхода, их уточнение

Здесь мы хотели бы начать с рассмотрения двух очень важных идей Ф. Ницше, принадлежащих среднему или «позитивистскому» периоду его творчества и высказываемых им довольно хаотично [8, с. 241–243, 374, 483–484, 651–652, 793–794]. Мы уже выделяли и описывали их в одной из своих работ. Они заключаются в следующем. «Во-первых, весьма перспективная идея жесткого противопоставления двух одинаково значимых для человека, но неспособных смешиваться типов философствования. Ими являются, с одной стороны, философствование метафизическое, прежде всего платоническо-христианское, с другой, философствование научное, близкое частным наукам, использующее «строгие методы» исследования и удовлетворяющееся «осторожными», т. е. относительными истинами. Вторая важнейшая идея философа состоит в определении предмета научной (исторической, в его терминологии) философии, каковым является «история понятий и преобразования понятий». Понятия в данном случае — это мировоззренческие или смысложизненные понятия и концепции, например, «сущность», «знание», «благо» и т. д. Ф. Ницше четко различает предмет научного философствования — мировоззренческие понятия и их исторические преобра-

зования — от предметной области метафизического философствования, каковую составляют «вечное бытие», «абсолютная истина», «безусловное добро» и т. п.» [15, с. 64]. По существу, это и есть те центральные для нашего исследования идеи, последовательная разработка которых должна, как мы надеемся, привести к выработке научно приемлемого понимания научной философии и ее предмета. Причем немаловажным моментом нам представляется взаимная связь этих двух, или подобных им, идей — раздвоенности философствования на противоположные конкурирующие типы и принципиального различия их предметных областей. Если данный момент не учитывать и, признавая раздвоенность философии, не обращать серьезного внимания на существенные различия в предметах ее различающихся типов, то путаной картины философского творчества избежать вряд ли получится. Обсуждавшиеся в первой части взгляды А. Ф. Кудряшева и О. И. Елховой — это не единственный пример такой довольно запутанной ситуации. К ним примыкают аналогичные концепции С. М. Зимина, К. Х. Момджяна, Р. Ю. Рахматуллиной (их работы указаны в первой части), которые производят впечатление ничуть не более ясных.

К сожалению, немало неясностей можно встретить и у тех авторов-неабсолютистов, которые признают существенные различия, как между противоположными типами философствования, так и между их предметами. Например, в концепции А. Л. Никифорова, противопоставляющей в качестве «двух видов» философии многочисленные ненаучные «мировоззренческие системы» и научную «абстрактную теорию таких систем», утверждается следующее. «В каждой конкретной философской системе [категории] приобретают специфическое содержание, причем разные философы придают им разное содержание. Однако каждая философская система оставляет в категории некоторый осадок содержания. Эти осадки... образуют некоторое — пусть весьма бедное — содержание философской категории, независимое от той или иной философской системы. Конечно, любая категория, вырванная из контекста той или иной системы, превращается в сухую скорлупку, лишенную ядра, крови и жизни... Но философия как теория мировоззрения изучает эти скорлупки

и взаимоотношения между ними» [7, с. 115]. Важна еще и такая характеристика, даваемая А. Л. Никифоровым как собственной многолетней деятельности, так и деятельности коллег, составляющих именно научную группу философов-теоретиков. «Занимаясь конкретными проблемами, мы учитывали все их решения, откуда бы они ни приходили, и старались найти свое, не карабкаясь в мировоззренческие выси. По своему мировоззрению мы были позитивистами, экзистенциалистами, идеалистами, но это редко сказывалось в наших решениях рассматриваемых вопросов» [7, с. 120].

Так вот, нам представляются не вполне ясными у А. Л. Никифорова, как характер работы философов-теоретиков, так и характер взаимодействия теоретической философии и множества изучаемых ею мировоззренческих систем. В частности, возникают такие вопросы. Можно ли, пытаясь изучить, к примеру, систему Платона, обращаться с категориями этого философа (бытие, душа и т. д.) так, чтобы их содержание было независимым от смысла, от сути его же философской системы? Ведь вроде бы очевидно, что для понимания элементов изучаемой системы (в философских системах это категории и связи между ними) необходимо понять смысловое содержание всей системы. Как, разумеется, и наоборот, для понимания сути всей системы нужно разбираться с ее отдельными элементами. Далее еще вопрос — является ли достаточным, в общем, справедливое указание на то, что как научная теория мировоззренческих систем «абстрактная философия дает концептуальный аппарат для формулировки философских проблем и их решений» [7, с. 117] без одновременного указания на процесс обратного влияния мировоззренческих систем на научную деятельность философов-теоретиков? Мы думаем, что такое указание явно недостаточно и, соответственно, его справедливость весьма ограничена. Очевидно, что мировоззренческие системы (и их отдельные категории), будучи зачастую чрезвычайно разными в эмоционально-ценностном отношении, должны оказывать на науку вообще, и на научную деятельность в сфере философии, в особенности, неоднозначное воздействие. Речь здесь может идти, скорее всего, о воздействии, стимулирующем деятельность ученого, или, напротив, препятствующем ей. Однако, в любом случае, пренебрегать значимостью этого влияния вряд ли правильно. К предыдущему вопросу тут же напрашивается,

как минимум, еще один, более острый вопрос. Возможно ли такое, чтобы «индивидуальные мировоззренческие предпочтения» философов-теоретиков редко сказывались на их занятиях конкретными проблемами, допустим, на их работе по выяснению взаимоотношения между категориями «знание» и «мнение» у Платона? Думается, что такое положение дел маловероятно. Скажем, Ф. Ницше по-разному и с разными (в плане научной основательности) результатами осмысливал платоновские категории на разных этапах своего творчества, поскольку с изменениями своих мировоззренческих предпочтений он изменял и свою трактовку платонизма, и свое отношение к науке.

Еще один исследователь, чьи взгляды на предмет научной философии представляются нам важными и перспективными, но, в то же время, требующими некоторых уточнений — Р. Карнап. Согласно Р. Карнапу, предметом научной философии или, в его терминологии, «теории познания» вооруженной методом логического анализа, является «познавательное содержание научных предложений, а тем самым и значение слов («понятий») встречающихся в этих предложениях» [6, с. 42]. Под научными предложениями в данном случае, по-видимому, понимаются предложения эмпирических наук, а также предложения претендующей на сверхэмпирическое знание метафизики, т. е. любые предложения, претендующие на познавательный или научный статус. Положительным результатом применения логического анализа является «пояснение осмысленных понятий и предложений» из сферы эмпирического знания, «логическое обоснование реальной науки и математики» [6, с. 58]. Негативным результатом оказывается вывод о бессмысленности предложений любой метафизики (включая этику и эстетику как нормативные дисциплины) и ее «радикальное преодоление». Метафизические построения, имитирующие научно-теоретические конструкции, по мнению Р. Карнапа, бессмысленны с теоретической точки зрения, иначе говоря, они «ничего не дают для познания» [6, с. 57, 42, 60]. Хотя метафизика подобна художественному творчеству, поскольку «возникла из потребности выражения чувства жизни... эмоционально-волевого отношения к миру», она, по сравнению с искусством, оказалась «неадекватным средством» и для этого, то есть для выражения эмоций и эмоционального воздействия [6, с. 59–60]. Однако такая суровая оценка метафизики, рассматриваемой

в связи с человеческой эмоциональностью, по большей части, несправедлива. Пусть содержание метафизических концепций не может быть по-научному ясно изложено в силу сверхэмпиричности их предмета (абсолют, всеобщее, бог, дух и т. п.), они вполне способны эмоционально поддерживать и вдохновлять многих людей как раз благодаря своей необычности и возвышенности. Работы Платона, Августина, К. Маркса, Ф. Ницше, Н. А. Бердяева и многих других философов-абсолютистов (метафизиков) именно таковы и не уступают в данном отношении ни ярким религиозным проповедям, ни литературным и вообще художественным шедеврам. Поэтому говорить о «радикальном преодолении» метафизики научной философией, вооруженной критическим логическим анализом, вряд ли правильно.

Отметим, что признание непреодолимости и даже неуязвимости метафизики (или абсолютистского философствования) совершенно не означает, что критическая по отношению к ней деятельность представителей научной философии не имеет никакого серьезного смысла. Когда-то М. Вебер заметил, что главнейшие задачи научно-философской деятельности (социальной философии, в его терминологии) заключаются «не только в том, чтобы способствовать пониманию и сопереживанию поставленных целей и лежащих в их основе идеалов, но и в том, чтобы научить критически судить о них» [2, с. 349]. Несомненно, так оно и есть. То есть верно, что названные задачи научно-рационального понимания и критического суждения относительно целей, идеалов, роли человека в мире являются не только интеллектуальными. Они еще и эмоционально насыщены, причем не в меньшей степени, чем задачи по выработке и достижению каких-либо предельно возвышенных метафизических идеалов, будь то спасение души, построение коммунизма или воспитание сверхчеловека. Следовательно, научная философия способна многих вдохновить на борьбу за четкое, пусть и относительное, научное разъяснение и решение мировоззренческих или смысложизненных вопросов, хотя и без надежд на то, что такого рода подход одержит победу над метафизическими вариантами истолкования и решения этих же самых вопросов. Хотелось бы надеяться (возможно, одно только это и остается), что и впредь научное философствование будет привлекать и вдохновлять значительное количество думающих людей, тем более в свете такого обстоятельства, как способность метафизического мышления и обновлять свои старые формы, и создавать новые.

К примеру, многообразные философские концепции так называемого постмодерна, несмотря на весь свой декларируемый антитрадиционализм (антирелигиозность, антиметафизичность, антиавторитаризм) суть не что иное, как с ног на голову перевернутая метафизика просто в силу осуществляющейся постмодернистами абсолютизации таких аспектов человеческой жизни, как свобода, творчество, субъектность и т.п. [1; 3; 12; 13].

Прежде чем подводить итоги исследования в виде ряда обобщающих положений относительно предмета и характера научной философии, приведем лишь один пример научного философствования. На наш взгляд, достаточно хорошим образцом такого рода философского творчества может служить концепция критического рационализма К. Поппера. Вспомним, как британский философ, хоть и ограничивается максимально общим определением предметной (скорее, объектной) области философии [9, с. 135], тем не менее, резко противопоставляет ее принципиально различающиеся типы, занимающиеся разными предметами. Так, в области философии науки радикально противостоящими подходами к научной деятельности у него выступают критический рационализм или фальсификационизм, с одной стороны, и эссенциализм, с другой. Эссенциалисты — это те философы и ученые (Платон, Аристотель, Г. Галилей, И. Ньютон и т. д.), которые верят в способность науки исчерпывающим образом познать изучаемый объект путем постижения его сущностной основы — эссенции, в подлинном бытии которой они не сомневаются. Критический же рационализм указывает на глубокое противоречие между их притязаниями на постижение сущностной реальности, объясняющей видимый мир, и тем очевидным фактом, «что мир каждой из наших теорий в свою очередь может быть объяснен с помощью других дальнейших миров, описываемых последующими теориями» [10, с. 299–300, 317]. Ясно, что для К. Поппера «эссенция» или подлинная, «абсолютная» реальность, коль скоро она познается в каждой новой теории по-новому, то есть лишь как нечто относительное в качестве предмета познания, не может быть чем-то непонятным и оказывается тем самым только многозначным понятием, не более того. Аналогично, в области этики и социально-политической философии К. Поппер сталкивает две антагонистические идеологические доктрины — историцистскую идеологию «закрытого общества», представленную,

главным образом, платонизмом и марксизмом, и антиисторицистскую либерально-демократическую идеологию «открытого общества». Вожди «историцистской метафизики», будучи, по сути своей, эссенциалистами, пророчествуют об управляемом жесткими законами «ходе истории», в результате которого страдающее общество (все человечество) неизбежно должно достичь совершенного счастливого состояния. Либерализм же (критический рационализм, вообще говоря) указывает на несоответствие историцизма научной методологии, поскольку у его проповедников «всегда есть возможность удачно вписать в эту схему любое мыслимое историческое событие» [11, с. 39] и тем самым избежать эмпирических опровержений, значимых для всех теорий, претендующих на научный статус. И вновь получается, что эссенциалистский (безусловный) «закон истории» для критического рационалиста К. Поппера суть не подлинная вне сознания людей находящаяся реальность, а многозначное, плохо определенное понятие, которое разными историцистами, например, Платоном и К. Марксом, трактуется по-разному, весьма произвольно.

Конечно, научное философствование К. Поппера, в частности, его отношение к метафизике, не было полностью однозначным и ясным. На это обращают внимание многие исследователи, но делают это, на наш взгляд, не всегда обоснованно и последовательно, как, например, относительно недавно В. Н. Жуков [4; 5]. Чтобы не затягивать наше обращение к концепции К. Поппера, мы воздержимся здесь от полемики с оппонентами британского философа и отметим лишь следующее. Мы считаем, что попперовская философия все-таки по большей части научна и реалистична, хотя К. Поппер, наряду с неоднозначным отношением к метафизике, иногда неоправданно оптимистично оценивал способности человека разумно решать самые разные проблемы, особенно нравственные и политические. Тем не менее, насколько мы можем судить, английский мыслитель, пусть и не всегда успешно, старался не смешивать две веры, одинаково дорогие его сердцу. С одной сторо-

ны, это вера в прогресс человечества, видимо, связываемый (ничуть неубедительно) с победой над «закрытостью» общества. С другой стороны, вера в отрезвляющую критичность научной методологии, вынуждавшую философа оставлять, по сути дела, открытым вопрос о путях общественного развития. Так вот, поскольку именно критичность и самокритичность научного рационализма приводили К. Поппера к преобладающему у него взвешенному пониманию основных параметров «открытого общества» (ограниченность как свободы индивида, так и власти государства), мы можем обоснованно предполагать, что именно верность научной методологии была определяющей в его творчестве. Оптимистическая же вера в социальный прогресс как своеобразная метафизика не играла в его философствовании ведущей роли, хотя могла быть и была, наверное, для него существенной вдохновляющей силой.

Заключение части 2

Подведем итоги второй — конструктивной, завершающей — части работы. Они, в основном, совпадают с результатами, полученными нами при изучении вопроса типологизации философских учений. Итак, по нашему мнению, научная философия представляет собой критическую исследовательскую деятельность, предметом которой является особым образом трактуемая «мировоззренческая или смысложизненная, т. е. связанная с отношениями человека и «абсолюта», проблематика. При научной трактовке «абсолют» («всеобщее») берется лишь в качестве необычной проблемы или проблематичного, в силу многозначности, понятия» [15, с. 65], а не как подлинная непонятная реальность. Другими словами, научная философия — это обычный научный анализ любых эмпирически данных текстов или высказываний, непосредственно содержащих или иницирующих «мировоззренческие вопросы о месте человека в, по-разному понимаемой, мировой либо собственной «целостности» («всеобщности»): как соответствующие вопросы ставились и ставятся, как и с какими последствиями решались, решаются и могут решаться» [15, с. 65].

Список источников

1. Али-Заде А. А. Неолиберальное общество постмодерна, постистины и постгуманизма в зеркале философии науки второй половины XX в. и методологии общественных наук XXI в.: обзор // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 8: Науковедение. 2021. № 2. С. 19–39.
2. Вебер М. Избранные произведения: Пер. с нем. / Сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова; Предисл. П. П. Гайдено. М.: Прогресс, 1990. 808 с.

3. Делез Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? / Пер. с фр. и послесл. С. Н. Зенкина. М.: Институт экспериментальной социологии, СПб.: Алетейя, 1998. 288 с.
4. Жуков В. Н. От «методологического эссенциализма» к тоталитаризму: неоконченный спор Карла Поппера с Платоном. Гносеология Платона и тема историцизма // Государство и право. 2020. № 11. С. 15–29.
5. Жуков В. Н. От «методологического эссенциализма» к тоталитаризму: неоконченный спор Карла Поппера с Платоном. Природа научного метода // Государство и право. 2020. № 10. С. 36–44.
6. Карнап Р. Преодоление метафизики логическим анализом языка // Путь в философию. Антология. М.: ПЕР СЭ; СПб.: Университетская книга, 2001. С. 42–61.
7. Никифоров А. Л. Природа философии: основы философии. М.: Идея-Пресс, 2001. 168 с.
8. Ницше Ф. Сочинения. В двух томах: Т. 1. Пер. с нем. Вступ. статья, составление и примечания К.А. Свасьяна. М.: РИПОЛ КЛАССИК, 1998. 832 с.
9. Поппер К. Р. Какой мне видится философия // Путь в философию. Антология. М.: ПЕР СЭ; СПб.: Университетская книга, 2001. С. 123–136.
10. Поппер К. Р. Логика и рост научного знания. Избранные работы: Пер. с англ. М.: Прогресс, 1983. 605 с.
11. Поппер К. Р. Открытое общество и его враги. Т. 1: Чары Платона. Пер. с англ. под ред. В. Н. Садовского. М.: Феникс, Международный фонд «Культурная инициатива», 1992. 448 с.
12. Рорти Р. От религии через философию к литературе: путь западных интеллектуалов // Вопросы философии. 2003. № 3. С. 30–41.
13. Рорти Р. Философия и зеркало природы. Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1997. 320 с.
14. Тарасов О. В. «Абсолют» как предмет научной философии (часть 1) // Вестник Челябинского государственного университета. 2024. № 9 (491). С. 92–97.
15. Тарасов О. В. Выбор критерия: к разработке классификации философских учений // Манускрипт. 2020. Том 13. № 9. С. 60–66.

References

1. Ali-Zade AA. Neoliberal'noe obshchestvo postmoderna, postistiny i postgumanizma v zerkale filosofii nauki vtoroi poloviny XX v. i metodologii obshchestvennykh nauk XXI v.: obzor. Sotsial'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Ser. 8: Naukovedenie. 2021;(2):19-39. (In Russ.).
2. Veber M. Izbrannye proizvedeniya [Selected Works]: Per. s nem. / YuN Davydova (ed.); Predisl. PP Gaidenko. Moscow: Progress, 1990. 808 p. (In Russ.).
3. Delez ZH, Gvattari F. Chto takoe filosofiya? / Per. s fr. i poslesl. SN Zenkina. Moscow: Institut ehksperimental'noi sotsiologii Publ., St. Petersburg: Aleteiya Publ., 1998. 288 p. (In Russ.).
4. Zhukov VN. Ot «metodologicheskogo ehssentsializma» k totalitarizmu: neokonchennyi spor Karla Poppera s Platonom. Gnoseologiya Platona i tema istoritsizma Gosudarstvo i pravo. 2020;(11):15-29. (In Russ.).
5. Zhukov VN. Ot «metodologicheskogo ehssentsializma» k totalitarizmu: neokonchennyi spor Karla Poppera s Platonom. Priroda nauchnogo metoda Gosudarstvo i pravo. 2020;(10):36-44. (In Russ.).
6. Karnap R. Preodolenie metafiziki logicheskim analizom yazyka Put' v filosofiyu. Antologiya. Moscow: PER SHE Publ.; St. Petersburg: Universitetskaya kniga Publ., 2001. Pp. 42–61. (In Russ.).
7. Nikiforov AL. Priroda filosofii: osnovy filosofii. Moscow: Ideya-Press Publ., 2001. 168 p. (In Russ.).
8. Nitsshe F. Sochineniya [Works]: In 2 vol.: Vol. 1. Per. s nem. Vstup. stat'ya, sostavlenie i primechaniya KA Svas'yana (ed.). Moscow: RIPOL KLASSIK Publ., 1998. 832 p. (In Russ.).
9. Popper KR. Kakoi mne viditsya filosofiya Put' v filosofiyu. Antologiya. Moscow: PER SEH Publ.; St. Petersburg: Universitetskaya kniga Publ., 2001. Pp. 123–136. (In Russ.).
10. Popper KR. Logika i rost nauchnogo znaniya. Selected Works: Per. s angl. Moscow: Progress Publ., 1983. 605 p. (In Russ.).
11. Popper KR. Otkrytoe obshchestvo i ego vragi. Vol. 1: Chary Platona. Per. s angl. VN Sadovskogo. (ed.). Moscow: Feniks, Mezhdunarodnyi fond «Kul'turnaya initsiativA» Publ., 1992. 448 p. (In Russ.).
12. Rorti R. Ot religii cherez filosofiyu k literature: put' zapadnykh intellektualov. *Voprosy filosofii*. 2003;(3):30-41. (In Russ.).
13. Rorti R. Filosofiya i zerkalo prirody. Novosibirsk: Izd-vo Novosib. un-ta Publ., 1997. 320 p. (In Russ.).
14. Tarasov OV. «Absolyut» kak predmet nauchnoj filosofii (chast' 1). *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2024;(9(491):92-97. (In Russ.).
15. Tarasov OV. Vybor kriteriya: k razrabotke klassifikacii filosofskih uchenij. *Manuskript*. 2020;13(9):60-66. (In Russ.).

Информация об авторе

О. В. Тарасов — кандидат философских наук, доцент кафедры всеобщей истории и философских дисциплин.

Information about the author

O. V. Tarasov — Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of the Department of General History and Philosophical Disciplines.

Статья поступила в редакцию 12.01.2025; одобрена после рецензирования 15.01.2025; принята к публикации 20.01.2025.

The article was submitted 12.01.2025; approved after reviewing 15.01.2025; accepted for publication 20.01.2025.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.